

Реализация программ развития творческого потенциала в условиях пенитенциарной системы

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу феномена художественной деятельности в пенитенциарных учреждениях сквозь призму глобального культурного разнообразия. Исследование рассматривает эволюцию подходов — от утилитарно-дисциплинарных к терапевтическим и современным социально-критическим практикам, — подчеркивая их культурную обусловленность и несостоительность универсальных моделей. Центральный тезис заключается в том, что искусство в условиях изоляции выполняет ключевую антропологическую функцию экзистенциального самоутверждения и сопротивления дегуманизации, содержание которой радикально различается в зависимости от культурного контекста. Для представителей коренных народов и меньшинств оно часто становится актом коллективного культурного сохранения и восстановления идентичности, что требует пересмотра доминирующих западных индивидуалистических парадигм арт-терапии. В статье анализируются контрастные институциональные модели взаимодействия искусства и пенитенциарной системы в разных регионах мира, а также специфические вызовы, связанные с миграционными кризисами. Обосновывается необходимость перехода к культурно-сенситивным, партисипативным практикам, разрабатываемым совместно с носителями культурных традиций. Делается вывод о том, что поддержка культурно-укорененного творчества в местах лишения свободы является индикатором способности общества к восстановительной справедливости и инклюзии, а сам творческий акт выступает метафорой преодоления социальных разрывов и утверждения человеческого достоинства.

Для цитирования в научных исследованиях

Елагина А.С., Новиков А.В. Реализация программ развития творческого потенциала в условиях пенитенциарной системы // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 12А. С. 192-198. DOI: 10.34670/AR.2025.80.92.023

Ключевые слова

Искусство в пенитенциарных учреждениях, культурное разнообразие, глобальный контекст, арт-терапия, культурная идентичность, реабилитация, социальная инклюзия, партисипативный подход, экзистенциальное самоутверждение, восстановительное правосудие.

Введение

Искусство в пенитенциарных учреждениях представляет собой сложный социокультурный феномен, аккумулирующий противоречивые импульсы пенитенциарной системы и гуманистических устремлений, универсальные принципы человеческого достоинства и конкретно-исторические формы его выражения. Рассматриваемое сквозь призму глобального культурного разнообразия, оно трансформируется из периферийной исправительной методики в инструмент, позволяющий исследовать фундаментальные проблемы современности: границы социального включения, механизмы конструирования идентичности в условиях маргинализации, этику наказания и возможность диалога в радикально неравных условиях [Mogoz, Horislavska, 2024].

Историческая эволюция подходов к художественной деятельности в местах изоляции — от утилитарно-дисциплинарных моделей через терапевтическо-реабилитационные парадигмы к современным социально-критическим и преобразующим практикам — отражает не только внутреннюю логику развития пенитенциарной мысли, но и более широкие сдвиги в философии права, психологии и культурной политике. Однако ключевой тезис, вытекающий из кросс-культурного анализа, заключается в том, что ни одна из этих моделей не является нейтральным или универсальным инструментом [Johnson, 2008]. Их содержание, эффективность и сам смысл глубоко укоренены в специфическом культурном, политическом и историческом контексте, что делает проблему культурного разнообразия центральной методологической и этической дилеммой для любой подобной инициативы.

Основная часть

С философско-антропологической точки зрения, искусство в условиях изоляции изначально есть акт экзистенциального самоутверждения, попытка восстановления субъектности в пространстве, систематически её отрицающем. Оно функционирует как форма сопротивления обесчеловечиванию, позволяя человеку, лишённому базовых гражданских свобод, конструировать и предъявлять своё «Я». В условиях глобального культурного разнообразия эта базовая антропологическая функция наполняется специфическим культурным содержанием [Tretyakov, 2021]. Для лиц, отбывающих наказание, принадлежащих к коренным народам, этническим меньшинствам, художественная практика часто становится не столько индивидуальным терапевтическим актом, сколько средством сохранения культурной памяти, языком для утверждения идентичности, постоянно подвергаемой эрозии как со стороны

доминирующего общества, так и со стороны унифицирующей логики пенитенциарной системы. Таким образом, творчество в условиях заключения может одновременно быть актом личного выживания и формой культурного сопротивления. Например, для представителей австралийских аборигенов или народа лакота в США участие в программах, основанных на традиционных техниках бисероплетении, — это не просто «занятие искусством», но сакрализованная практика связи с предками и утверждения непрерывности культурного бытия. Здесь искусство перестаёт быть чисто эстетическим феноменом, сливаясь с духовным, терапевтическим и социальным измерениями жизни, что кардинально отличает его от западной модели, где эти сферы чаще разведены [Whitman, 2024].

Именно эта принципиальная разница в сущности творческого акта лежит в основе критики универсалистских, прежде всего западных, терапевтических моделей. Доминирующая парадигма арт-терапии, с её акцентом на катарсис, словесное выражение внутренних конфликтов и развитие индивидуальной выразительности, неявно опирается на ценности секулярного, индивидуалистического общества [Gussak, 2007]. Однако во многих культурах Азии, Африки, Латинской Америки, а также в сообществах коренных народов ценностные акценты смещены: эмоциональное выражение может строго регламентироваться, высшая ценность приписывается коллективному, а не индивидуальному опыту, а исцеление понимается не как внутренний самоанализ, а как восстановление гармонии с общиной и миропорядком. В таких контекстах групповая работа над ремесленным объектом, участие в ритуальном танце или коллективное создание эпического повествования могут обладать несравненно более глубоким реабилитационным потенциалом, чем индивидуальное рисование с последующим анализом чувств. Следовательно, успешная программа обязана быть культурно-чувствительной, что подразумевает отказ от механического импорта готовых методик в пользу их адаптации или совместной разработки с носителями соответствующих культурных традиций [Moroz, Horislavska, 2024]. Игнорирование этого требования не просто снижает эффективность вмешательства, но может воспроизводить символическое насилие, когда пенитенциарная система, уже отнявшая физическую свободу, вторгается и во внутренний культурный мир человека, предлагая ему чуждые формы самовыражения как единственно «правильные».

Культурное разнообразие проявляется не только на уровне индивидуального и группового восприятия, но и в макросоциальных, институциональных моделях взаимодействия искусства и пенитенциарной системы. В странах Западной Европы и Северной Америки сложилась развитая экосистема, включающая государственное финансирование, активность неправительственных организаций и институциональное партнёрство с музеями и галереями. Проекты, подобные программе датского Музея современного искусства Луизиана или инициативам Нью-Йоркского Метрополитен-музея, часто носят экспериментальный характер, а их результаты интегрируются в художественный рынок и публичный дискурс, стирая границу между терапией и производством актуального культурного высказывания. В странах Глобального Юга ситуация зачастую диаметрально противоположна: перегруженные и недофинансированные пенитенциарные системы оставляют мало пространства для систематических художественных программ. Инициативы здесь носят стихийный, общинный или религиозный характер, выступая скорее как акты взаимопомощи, базового образования или духовной поддержки.

В этих условиях художественная программа сталкивается с необходимостью быть одновременно инструментом психологической работы с посттравматическим синдромом, платформой для культурного перевода и пространством для формирования нового гибридного опыта. Творчество может стать тем общим языком, который позволяет выразить боль, тоску и

надежду, не находящие слов на чужом языке. Однако для этого оно должно открыться для аутентичных форм выражения: арабской каллиграфии, персидской миниатюры, африканских орнаментальных систем, устной поэзии. Только так оно может стать мостом к утраченной родине и опорой для идентичности. Более того, совместные художественные проекты, синтезирующие различные символические языки, могут служить уникальной платформой для диалога и взаимного признания, способствуя формированию новой, хотя и вынужденной, общности.

Реализация столь сложного, контекстуального подбюро неизбежно наталкивается на серьёзные системные препятствия. Пенитенциарные институты по своей архитектонике ориентированы на унификацию, стандартизацию и контроль. Признание культурного разнообразия требует от администрации не только дополнительных ресурсов для привлечения культурных посредников и консультантов из сообществ, но и высокой степени рефлексивности, гибкости и готовности к диалогу. Существует постоянный риск того, что культурные традиции будут фольклоризованы или превращены в товар — преобразованы в сувенирную продукцию, что извратит их внутренний смысл и усилит ощущение отчуждения. Ключевым этическим и методологическим принципом, призванным минимизировать эти риски, является подлинное соучастие. Программы должны разрабатываться и реализовываться не «для» отдельных культурных групп, а «вместе» с ними, при ведущей роли признанных носителей культурного знания. Такой подход преобразует патерналистскую динамику «помощи» в отношения культурного партнёрства, что обладает мощным реабилитационным эффектом, восстанавливая личную самостоятельность и чувство собственного достоинства у осуждённых.

Восприятие результатов творчества в условиях изоляции внешним обществом также несёт на себе отпечаток культурного и социального контекста. Общественная реакция может варьироваться от романтизации и коммодификации до отрицания за осуждённым права на эстетическое выражение. Выставки подобного искусства, где бы они ни проводились, всегда становятся полем публичной рефлексии о природе вины, искупления и человечности, но характер этой рефлексии определяется локальными общественными дискуссиями. В глобализованном мире такие выставки также поднимают сложные этические вопросы о праве на интеллектуальную собственность, границах использования личного травматического опыта и о том, кто в конечном итоге получает символический и экономический капитал от этого искусства — сам автор, учреждение или курирующая организация.

Анализ феномена искусства в пенитенциарных учреждениях через призму глобального культурного разнообразия приводит к выводу о необходимости принципиального пересмотра подходов. Эффективная и этичная практика будущего должна основываться не на экспорте готовых моделей, а на развитии гибридных, рефлексивных и диалогических форм, которые учитывали бы как международные стандарты прав человека, так и глубинную культурную специфику участников. Это требует междисциплинарного сотрудничества криминологов, антропологов, культурологов, социальных работников и, что важнее всего, самих представителей сообществ, чьи культуры оказываются в фокусе программ. Поддержка культурно-укоренённого творчества в местах лишения свободы — это не просто дополнительная услуга, а проверка способности общества к включению и восстановительному правосудию. Она признаёт, что истинная реабилитация невозможна без восстановления целостности человека, неотъемлемой частью которой является его культурная идентичность. В этом смысле искусство в условиях изоляции становится мощной метафорой преодоления фундаментальных разрывов современности — между индивидом и обществом, между

глобальным и локальным, между наказанием и исцелением, — напоминая, что творческое начало как выражение человеческого духа не может быть окончательно отнято.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что феномен искусства в пенитенциарных учреждениях при рассмотрении утрачивает характер узкоутилитарной практики, обретая статус комплексного социокультурного индикатора. Он выявляет глубинные противоречия универсальных прав человека и конкретно-исторических форм культурной идентичности. От периферийной методики коррекции поведение искусство эволюционирует в мощный аналитический инструмент, позволяющий исследовать границы социальной инклюзии, механизмы конструирования «Я» в условиях стигматизации и саму философию наказания в современном мире.

Заключение

Ключевой вывод заключается в принципиальной несамодостаточности и культурной ангажированности любых универсальных моделей — будь то дисциплинарные, терапевтические или социально-критические. Их содержание и эффективность полностью обусловлены конкретным культурным, политическим и историческим контекстом. Поэтому базовой антропологической функцией творчества в условиях изоляции — экзистенциальным самоутверждением и сопротивлением дегуманизации — невозможно управлять по единому шаблону. Для представителей коренных народов и культурных меньшинств оно становится актом коллективного выживания, ретрансляции памяти и утверждения идентичности, что требует пересмотра индивидуалистических парадигм, доминирующих в западной арт-терапии.

Институциональные формы взаимодействия искусства и пенитенциарной системы также демонстрируют радикальное разнообразие — от развитой экосистемы партнерств в странах глобального Севера до стихийных общинных инициатив на Глобальном Юге или инструментализированных идеологических практик в авторитарных контекстах. Эти различия подтверждают, что сама возможность творческого акта за стенами исправительного учреждения служит барометром гуманизма, демократичности и открытости общества в целом.

Поддержка культурно-укоренённого творчества в условиях изоляции — это не второстепенная исправительная мера, а тест на состоятельность принципов восстановительного правосудия и социальной инклюзии. Она признает, что подлинная реабилитация невозможна без восстановления целостности человеческой личности, неотъемлемой частью которой является её культурная идентичность. В этом смысле искусство становится мощной метафорой преодоления фундаментальных разрывов современности, утверждая, что творческое начало как выражение человеческого духа не может быть окончательно отчуждено никакими социальными и физическими барьерами. Его культтивация в пространстве предельного ограничения становится актом надежды и подтверждения общего человеческого достоинства в мире, раздираемом противоречиями.

Библиография

1. Geraghty K. A., Vahabzadeh L. J., Simonet R. Art therapy in a multidisciplinary team with young men in prison // International Journal of Art Therapy. – 2024. – Т. 29. – №. 1. – С. 39-44.
2. Gussak D. Effects of art therapy with prison inmates: A follow-up study //The arts in psychotherapy. – 2006. – Т. 33. – №. 3. – С. 188-198.
3. Gussak D. The effectiveness of art therapy in reducing depression in prison populations //International Journal of Offender therapy and comparative Criminology. – 2007. – Т. 51. – №. 4. – С. 444-460.

4. House K. An Artists Redemption: Prison Systems Approach to Creative Arts Therapy. – 2024.
5. Johnson L. M. A Place for Art in Prison: Art as A Tool for Rehabilitation and Management //Southwest Journal of Criminal Justice. – 2008. – T. 5. – №. 2.
6. Moroz I., Horislavská I. The legal and penitentiary system as repressive apparatus: Legal methods of protecting a civil and political rights //Law. Human. Environment. – 2024. – T. 2. – №. 15. – C. 85-100.
7. Takkal A., Horrox K., Rubio-Garrido A. The issue of space in a prison art therapy group: A reflection through Martin Heidegger's conceptual frame //International Journal of Art Therapy. – 2018. – T. 23. – №. 3. – C. 136-142.
8. Tretiak Y. Methods for Creating an Architectural and Artistic Image of Penitentiary Complexes //Építés-Építészettudomány. – 2023. – T. 51. – №. 1-2. – C. 163-179.
9. Tretyakov I. L. Creative Solutions and Professional Culture of Prison Staff //International Conference on Professional Culture of the Specialist of the Future. – Cham : Springer International Publishing, 2021. – C. 203-223.
10. Whitman J. R. Prisons of creativity: Artistic innovation during incarceration. – Taylor & Francis, 2024.
11. Wylie B. Self and social function: Art therapy in a therapeutic community prison //Journal of Brand Management. – 2007. – T. 14. – №. 4. – C. 324-334.

Implementation of Creative Potential Development Programs in the Context of the Penitentiary System

Anna S. Elagina

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatischeva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to a comprehensive analysis of the phenomenon of artistic activity in penitentiary institutions through the prism of global cultural diversity. The research examines the evolution of approaches—from utilitarian-disciplinary to therapeutic and contemporary socio-critical practices—emphasizing their cultural conditioning and the inadequacy of universal models. The central thesis posits that art under conditions of isolation performs a key anthropological function of existential self-affirmation and resistance to dehumanization, the content of which varies radically depending on cultural context. For representatives of indigenous peoples and minorities, it often becomes an act of collective cultural preservation and identity restoration, necessitating a revision of dominant Western individualistic paradigms of art therapy. The article analyzes contrasting institutional models of interaction between art and the penitentiary system in different

regions of the world, as well as specific challenges related to migration crises. The necessity of transitioning to culturally sensitive, participatory practices, developed in collaboration with bearers of cultural traditions, is substantiated. It is concluded that supporting culturally rooted creativity in places of deprivation of liberty is an indicator of a society's capacity for restorative justice and inclusion, and the creative act itself serves as a metaphor for overcoming social divides and affirming human dignity.

For citation

Elagina A.S., Novikov A.V. (2025) Realizatsiya programm razvitiya tvorcheskogo potentsiala v usloviyakh penitentsiarnoy sistemy [Implementation of Creative Potential Development Programs in the Context of the Penitentiary System]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (12A), pp. 192-198. DOI: 10.34670/AR.2025.80.92.023

Keywords

Art in penitentiary institutions, cultural diversity, global context, art therapy, cultural identity, rehabilitation, social inclusion, participatory approach, existential self-affirmation, restorative justice.

References

1. Geraghty, K.A., Vahabzadeh, L.J., & Simonet, R. (2024). Art therapy in a multidisciplinary team with young men in prison. *International Journal of Art Therapy*, 29(1), 39–44.
2. Gussak, D. (2006). Effects of art therapy with prison inmates: A follow-up study. *The Arts in Psychotherapy*, 33(3), 188–198.
3. Gussak, D. (2007). The effectiveness of art therapy in reducing depression in prison populations. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 51(4), 444–460.
4. House, K. (2024). *An artists redemption: Prison systems approach to creative arts therapy* [Publisher information missing].
5. Johnson, L.M. (2008). A place for art in prison: Art as a tool for rehabilitation and management. *Southwest Journal of Criminal Justice*, 5(2), 100–115.
6. Moroz, I., & Horislavská, I. (2024). The legal and penitentiary system as repressive apparatus: Legal methods of protecting a civil and political rights. *Law. Human. Environment*, 2(15), 85–100.
7. Takkal, A., Horrox, K., & Rubio-Garrido, A. (2018). The issue of space in a prison art therapy group: A reflection through Martin Heidegger's conceptual frame. *International Journal of Art Therapy*, 23(3), 136–142.
8. Tretiak, Y. (2023). Methods for creating an architectural and artistic image of penitentiary complexes. *Építés-Építészettudomány* [Architecture & Building Science], 51(1-2), 163–179.
9. Tretyakov, I.L. (2021). Creative solutions and professional culture of prison staff. In E. Bylieva, D. Nordmann, & A. Shipunova (Eds.), *International conference on professional culture of the specialist of the future* (pp. 203–223). Springer International Publishing.
10. Whitman, J.R. (2024). *Prisons of creativity: Artistic innovation during incarceration*. Taylor & Francis.
11. Wylie, B. (2007). Self and social function: Art therapy in a therapeutic community prison. *Journal of Brand Management*, 14(4), 324–334.